

Смысль любой вещи состоитъ въ ея истинномъ назначеніи, то-есть, въ томъ, чтобы она была назначена и дѣйствительно пригодна для достижениѧ какой нибудь цѣли. Таковъ первоначальный отвѣтъ на вопросъ: въ чёмъ состоитъ общепринятое значеніе термина «смысль любой вещи?» Но хотя этотъ отвѣтъ подкрѣпляется и подкрѣпленъ мною множествомъ примѣровъ, тѣмъ не менѣе на немъ еще нельзя остановиться: онъ только близокъ къ истинѣ, но еще не вполнѣ совпадаетъ съ ней...

Чтобы дальше не было никакихъ недоразумѣній, мы должны высказать все, что подразумѣвается въ понятіи «смысла». Дѣло въ томъ, что самыя-то цѣли могутъ быть различными; и не всякая цѣль считается нами способною придать смыслъ той вещи, которая будетъ служить средствомъ, приводящимъ къ этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, будетъ таковой, что за ней не стоитъ гнаться, то-есть, если ее можно преслѣдоватъ только вслѣдствіе ошибочной оцѣнки ея значенія, то изъ одного того, что данная вещь служить средствомъ для достижениѧ подобной цѣли, эта вещь еще не пріобрѣтеть ровно никакого смысла. Такъ всѣ наши умышленные поступки всегда имѣютъ въ виду какую-нибудь цѣль...

Чтобы та цѣль, для достижениѧ которой назначена и пригодна, или даже дѣйствительно служить, данная вещь, была способна осмыслить эту вещь, для этого надо, чтобы сама-то эта цѣль была бо-